

Научная статья
УДК 821.161.1.09“18”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.9042

Проблема повествования в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского

Т. П. Баталова

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: batalovatp@yandex.ru

Аннотация. В статье в свете социологической поэтики П. Н. Медведева выявлены и изучены особенности повествования в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского, исследована роль этих особенностей в выражении основной мысли «Записок...» — стремления каторжных к свободе, к «воскресению из мертвых». Под этим углом зрения рассматривается значение двоения повествователя (Горянчиков и Горянчиков-Достоевский), противопоставления героев произведения (положительных и отрицательных), анализируется сюжетно-композиционная функция XI главы первой части «Записок...» — «Представление». Ключевую роль в выражении основной мысли в произведении играет христианская вера. Открытость людям, доброжелательное, христианское отношение к ним — отличительная черта характера Горянчикова-Достоевского, всех положительных героев в «Записках...». Под влиянием празднования Рождества Христова каторжные устроили театральное представление, что изменило нравственное состояние и актеров, и зрителей, усилило их чувство собственного достоинства, необходимое для противостояния осторожным порядкам, «мертвящим» людей, усилило стремление арестантов к свободе, к «воскресению из мертвых». В статье сделан вывод, что «Записки из Мертвого Дома» являются началом эстетических и художественных перемен, проявившихся в послекаторжном творчестве Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого Дома», П. Н. Медведев, христианство, жанр, герой, повествователь, рассказчик

Для цитирования: Баталова Т. П. Проблема повествования в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 221–238. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9042

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9042

The Problem of Narration in *Notes from a Dead House* by Fyodor Dostoevsky

Tamara P. Batalova

(Saint Petersburg, Russian Federation)

e-mail: batalovatp@yandex.ru

Abstract. Within the framework of Pavel Medvedev’s sociological poetics, the article identifies and studies the features of the narrative in Fyodor Dostoevsky’s *Notes from a Dead House*, and examines the role of these features in expressing the key idea of this novel, namely the desire of convicts for freedom, for “resurrection from the dead”. From this point of view, the author examines the significance of the narrator’s duality (Goryanchikov and Goryanchikov-Dostoevsky) and the juxtaposition of the characters in the narrative (positive and negative). He also analyzes the compositional function of the XI chapter of the first part of *Notes from a Dead House*, “Presentation”, in the plot. The Christian faith plays the vital role in the expression of the essential idea of the work. An open-minded attitude to people, a friendly, Christian approach towards them is a distinctive feature of Goryanchikov-Dostoevsky and all the positive characters in the book. Inspired by the celebration of the Nativity of Christ, the convicts staged a theatrical performance, which alters the moral state of both the actors and the audience, fortifies their sense of self-esteem required to resist the prison orders that “deaden” people, and strengthens the prisoners’ desire for freedom, for “resurrection from the dead”. The article concludes that *Notes from a Dead House* is the beginning of aesthetic and artistic changes that manifested themselves in Dostoevsky’s post-prison works.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, “Notes from a Dead House”, Pavel Medvedev, Christianity, genre, hero, narrator, storyteller

For citation: Batalova T. P. The Problem of Narration in “Notes from a Dead House” by Fyodor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 221–238. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9042 (In Russ.)

Разрабатывая методологические принципы изучения произведений Ф. М. Достоевского, П. Н. Медведев поставил вопрос о роли в послекаторжном творчестве писателя статьи о христианстве в искусстве, которую тот писал в Сибири, но не закончил. Об этой статье Достоевский упоминал в письме к А. Е. Врангелю от 13 апреля 1856 г.¹. П. Н. Медведев так

оценивал значение основной идеи этой статьи в послекаторжном творчестве писателя: «...без нее этот период, главнейший период жизни Достоевского, как-то странно расколот: “Маленький герой”, написанный в 1849 г. в Петропавловской крепости, затем — “Дядюшкин сон” — 1859 г., в том же году “Село Степанчиково и его обитатели”, “Записки из Мертвого Дома” — 1861–1862 гг. и вдруг — потрясающие “Записки из подполья” и “Преступление и наказание”» [Медведев, т. 1: 205].

Учение о жанре — центральное в социологической поэтике П. Н. Медведева (см.: [Захаров, 2007], [Заваркина]) — дает возможность увидеть это «не вполне ожидаемое “вдруг”» в жанровом своеобразии «Записок из Мертвого Дома»: «Каждый жанр <...> есть сложная система средств и способов понимающего овладения и завершения действительности» [Медведев, т. 2: 205].

О «понимании» и «овладении» действительности размышлял и Достоевский. В «Дневнике писателя» 1877 г. он указывал на то, что в старом русском романе «огромная часть русского строя жизни осталась вовсе без наблюдения и без *историка*» (ДЗ0; 25: 35).

Стремление писателя художественно осмыслить «огромную часть русского строя жизни» и вызвало по возвращении из каторги ту перемену, которую П. Н. Медведев назвал «не вполне ожидаемым “вдруг”» [Медведев, т. 1: 205]. Первым опытом овладения не осмысленными старым русским романом сторонами действительности стали «Записки из Мертвого Дома».

В. П. Владимирцев отмечает: «Загадочная жанровая проблема “Записок” всегда озадачивала исследователей» [Владимирцев, 1997: 756]. Определение жанра «Записок...» разнообразно: «своеобразное художественное единство документального романа» [Шкловский: 123], «роман» [Мишин: 109], «книга» [Кирпотин: 380–381], «мемуарный жанр» [Гинзбург: 586], «художественные мемуары» [Чирков: 16], «цикл физиологических очерков» [Цейтлин: 290], «очерковый цикл» [Лебедев: 3–15], «документальный очерк» и «этнографическое исследование» [Этов: 107–108], «очерковая повесть» [Акелькина: 76], «записки» [Викторович: 20], «книга о народе» [Туниманов: 128], «книга <...>

рассказанная народом, “братьями по несчастью” [Владимирцев, 2008: 73], «оригинальный жанр», который образован «взаимодействием повести и художественного очерка» [Захаров, 1985: 183].

Герои «Записок...» были художественным осмыслением историй реальных арестантов (подробнее см.: [Якубович, Федоренко]). Большую роль в этом процессе играет рассказчик. В исследовательской литературе отмечается, что этот герой — одна из бесчисленных неизвестных жертв «Мертвого Дома» — необходим Достоевскому не только из опасения цензурных осложнений, но и для того, чтобы уйти от прямого автобиографизма. Горянчиков необходим автору, чтобы типизировать свою каторжную судьбу [Захаров, 1985: 174–185].

«Приступая к “Запискам”, Достоевский был во власти биографического времени, но в художественном переосмыслении своей судьбы он сначала сделал биографическое время условным, а затем символическим» [Захаров, 1997: 764]. Благодаря жанровому своеобразию, «Записки из Мертвого Дома» — художественное произведение. Образ повествователя «Записок...» неоднозначен. Покойный Александр Петрович Горянчиков не имеет ни литературного прошлого, ни будущего «воскресения из мертвых». Десятью годами каторги он измучен не только физически («чрезвычайно блѣдный и худой»²), но и душевно:

«...я бы никакъ не могъ представить себѣ: чтò страшнаго и мучительнаго въ томъ, что я во всѣ десять лѣтъ моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду одинъ? На работѣ всегда подъ конвоемъ, дома съ двумя-стами товарищей и ни разу, ни разу — одинъ!» (403).

Городок, в котором герой поселился, вероятно, воспринимался им как продолжение острожных порядков: такие сибирские городки «весьма достаточно снабжены исправниками, засѣдателями и всѣмъ остальнымъ субалтернымъ чиномъ» (395).

Издатель неоднократно подчеркивает нелюдимость Горянчикова: «...онъ страшный нелюдимъ, ото всѣхъ прячется», «упорно сторонился отъ всѣхъ» (397), «именно поставляетъ своею главнѣйшею задачею — какъ можно подальше спрятаться отъ всего свѣта» (398). Все это делает Горянчикова

обреченным. Вместе с тем, на утонченность и хрупкость его душевного мира указывает его заботливая привязанность к хозяйской внучке — десятилетней девочке, имя которой — Катя, — вероятно, напомидало ему жену. Эти сведения о герое сообщены Издателем во Введении — «предисловном рассказе» (термин Д. С. Лихачева [Лихачев]). Но для выражения идеи произведения был необходим другой рассказчик. Это — политический заключенный из дворян, пробывший на каторге 4 года. Его мысли и чувства — мысли и чувства самого Достоевского [Захаров, 1985: 178–179]. Достоевский не отделяет его от Горянчикова — героя Введения. Второго Горянчикова можно условно назвать Горянчиков-Достоевский. Читатели могут распознать героев по стилю и характеру их повествования.

Двоение рассказчика усиливает основную мысль «Записок из Мертвого Дома». Оба повествователя воспринимают каторгу как большое несчастье. В их взаимоотношениях с арестантами проявляется «глубочайшая бездна», разделяющая дворян и простонародье (644). Эта «бездна» в остроге проявляется в отчуждении Горянчикова от «этого народа»:

«...весь этотъ народъ <...> былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ» (404–405).

Обычными среди арестантов были воровство и доносы:

«Большинство было развращено и страшно исподлилось. <...> ...это былъ адъ, тьма кромешная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ острога никто не смѣлъ возставать; всѣ подчинялись» (405).

Горянчиков характеризует свои острожные ощущения — «тяжело», «горько», «мучительно», «страшно». Ему казалось, что кругом «все было враждебно и — страшно» (461).

Жизнь вместе с каторжными для него — «мука, чуть ли не сильнѣйшая, чѣмъ всѣ другія. Это *вынужденное общее сожительство*» (415). Он болезненно признается:

«Мнѣ всегда было тяжело возвращаться со двора въ нашу казарму. <...> Не понимаю теперь, какъ я выжилъ въ ней десять лѣтъ» (402).

У героя ощущение безысходности усиливалось душевным одиночеством, которое он мог разделить только с Шариком:

«...когда <...> я возвращался съ работы <...> я спѣшилъ за казармы, со скачущимъ передо мной и визжащимъ отъ радости Шарикомъ, обхватываль его голову и цѣловаль-цѣловаль ее, и какое-то сладкое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мучительно-горькое чувство щемило мнѣ сердце» (487–488).

Отличительная черта характера Горянчикова-Достоевского — добрая открытость людям, стремление понять их и простить. Эта способность характеризует героя, с одной стороны, как человека творческого, с другой — как христианина:

«Встрѣчаясь съ ними (каторжными. — Т. Б.) <...> я любилъ всматриваться въ ихъ угрюмыя, клейменныя лица и угадывать, о чемъ они думаютъ» (401).

Это желание понять своих новых товарищей помогло Горянчикову-Достоевскому, преодолевая тяжелые впечатления, увидеть и светлые лица:

«Между угрюмыми и ненавистливыми лицами остальныхъ каторжныхъ, я не могъ не замѣтить тоже нѣсколько добрыхъ и веселыхъ. “Вездѣ есть люди дурные, а между дурными и хорошіе, — спѣшилъ я подумать себѣ въ утѣшеніе: — “кто знаетъ? Эти люди, можетъ быть, вовсе не до такой степени хуже тѣхъ, *остальныхъ*, которые *остались* тамъ, за острогомъ”. Я думалъ это и самъ качаль головою на свою мысль, а между тѣмъ, — Боже мой! — еслибъ я только зналъ тогда, до какой степени и эта мысль была правдой!» (461–462).

Горянчиков-Достоевский преодолел переживаемую безысходность:

«Всѣ недоразумѣнія, которыя еще остались во мнѣ, я затаилъ внутри себя, какъ только могъ глуше» (488).

Такая установка стала основой взаимоотношений героя с арестантами:

«...большая часть изъ нихъ наконецъ меня полюбила и признала за “хорошаго” человѣка» (421).

Таким образом, позиция Горянчикова-Достоевского во взаимоотношениях с арестантами «рифмуется» (термин И. М. Мейера [Мейер: 600]) с объяснениями Акима Акимовича о том, что каторжные не любят арестантов из дворян, особенно политических:

«— Да-сь, дворянъ они не любятъ, замѣтилъ онъ, — особенно политическихъ, съѣсть рады; немудрено-сь» (423).

Осторожные наблюдения и рассказы арестантов показали Горянчикову-Достоевскому, что преступления нередко совершались в критических ситуациях, под влиянием конфликта с общественной средой. Чаще всего преступление являлось грубым, противозаконным, но — протестом против подавления человеческого достоинства. Преступление переживалось каторжными скрытно, но как трагедия: такими преступниками прежде всего оказывались люди незаурядные, мужественные, внутренне свободные, независимые от внешней среды, т. е. — *личностями* (по С. А. Аскольдову [Аскольдов: 2]). Горянчиков-Достоевский размышляет о таких преступниках:

«...этотъ народъ <...> можетъ быть и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего» (687).

Повествователь с болью и возмущением пишет о системе наказаний, узаконенной в России. Он с горечью заявляет, что «право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію» (588). Повествователь отрицательно высказывается о «келейной системе» «воспитанія» преступников:

«Но я твердо увѣренъ, что знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой, наружной цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее и потомъ нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія» (408).

И в завершение этой темы — размышления Горянчикова-Достоевского накануне последнего дня в остроге:

«И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погигло здѣсь даромъ! <...> ...погигли даромъ могучія силы, погигли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виновать? То-то, кто виновать?» (687).

Сама жизнь опровергает «келейную систему»: никакими клеймами, никакими кандалами, никакими палками не заставишь такого преступника забыть, что он — человек. Под «привычкой» к клеймам, кандалам, острожной грязи скрывается моральное преодоление «омертвления» каторжными порядками. Утвердить свое человеческое достоинство арестанты пытались доступными им способами. На каторжной работе они требовали «урока», превращая эту работу в более осмысленную. В противоположность работе подневольной занимались *своим* ремеслом. Месяцами, «не разгибая шеи», ремесничали, зарабатывая деньги, чтобы хоть один вечер, истратив их по своей воле, — купив обновку, поиграв в карты или напившись, — почувствовать себя свободными людьми. Укрепить свое человеческое достоинство, удовлетворить потребность в остроумии, юморе арестанты старались и в импровизированных, часто грубых, но — сценах, в «ругани из удовольствия» (419). (Получив в госпитале возможность писать, Достоевский записывал этот острожный «фольклор» в «свою тетрадь», в «Сибирскую тетрадь»).

Беспредельно униженный наказаниями, угнетенный чрезмерной теснотой вынужденного сожительства, каторжный может получить истинную духовную свободу только в обращении к Богу. Христианская вера укрепляет и силы противостояния бесчеловечным каторжным унижениям.

Горянчиков-Достоевский замечает, что с годами, проведенными на каторге, у арестантов укрепляется вера. Он вспоминает:

«Я видѣлъ разъ, какъ прощался съ товарищами одинъ арестантъ, пробывшій въ каторгѣ двадцать лѣтъ... <...> ...онъ вошелъ въ острогъ въ первый разъ, молодой, беззаботный, не думавшій ни о своемъ преступленіи, ни о своемъ наказаніи. Онъ выходилъ

сѣдымъ старикомъ, съ лицомъ угрюмымъ и грустнымъ. Молча обошелъ онъ всѣ наши шесть казармъ. Входя въ каждую казарму, онъ молился на образа и потомъ низко, въ поясъ, откланивался товарищамъ, прося не поминать его лихомъ» (401).

Вера в Бога, обуславливающая совесть человека, его доброе отношение к людям — одна из основных черт, отличающих симпатичных, милых Горянчикову-Достоевскому героев от ужасных злодеев, с их эгоцентризмом, ненавистью и презрением к людям. Повествователь с ужасом пишет о Газине:

«Мнѣ всегда казалось, что ничего не могло быть свирѣпѣе, чудовищнѣе его. <...> Рассказывали <...> что онъ любилъ прежде рѣзать маленькихъ дѣтей, единственно изъ удовольствія...» (439).

В первый день пребывания в остроге Горянчикова-Достоевского и его товарища пьяный Газин во время обеда, в кухне, едва не раздробил им головы (441).

О другом злодее — Орлове — повествователь пишет:

«...злодѣй, какихъ мало, рѣзавшій хладнокровно стариковъ и дѣтей, — человѣкъ со страшной силой воли... <...> Это была наяву полная побѣда надъ плотью. <...> Когда же <Орлов> понималъ, что я добираюсь до его совѣсти и <...> хоть какого-нибудь раскаянія, то взглянулъ на меня до того презрительно и высокомерно, какъ будто я вдругъ сталъ въ его глазахъ какимъ-то маленькимъ, глупенькимъ мальчикомъ, съ которымъ нельзя и разсуждать какъ съ большими» (447–449).

Противоположность Орлову — арестант А-в:

«Это былъ самый отвратительный примѣръ, до чего можетъ опуститься и исподлиться человѣкъ и до какой степени можетъ убить въ себѣ всякое нравственное чувство, безъ труда и безъ раскаянія» (468).

До острога, в Петербурге, А-в, «чтобъ добыть денегъ, рѣшился на одинъ подлый (оплаченный. — Т. Б.) доносъ», в результате которого погибли 10 человек:

«...рѣшился продать кровь десяти человѣкъ, для немедленнаго удовлетворенія своей неутолимой жажды къ самымъ грубымъ и развратнымъ наслажденіямъ» (469).

Повествователь заключает:

«...лучше пожаръ, лучше моръ и голодъ, чѣмъ такой человѣкъ въ обществѣ!» (470).

Художественные очерки и рассказы показывают, что человека делает человеком не подчинение плоти, и даже не полная победа воли над плотью, а вера, любовь к людям. Горянчиков-Достоевский вспоминает о горце-мусульманине Нурре:

«Въ каторгѣ его (Нурру. — Т. Б.) всѣ любили. Онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ ко всѣмъ, работалъ безропотно, спокоенъ и ясенъ, хотя часто съ негодованіемъ смотрѣлъ на гадость и грязь арестантской жизни и возмущался до ярости всякимъ воровствомъ, мошенничествомъ, пьянствомъ <...> но ссоръ не затѣвалъ... <...> Былъ онъ чрезвычайно богомоленъ. <...> ...въ посты передъ магометанскими праздниками постился какъ фанатикъ и цѣлыя ночи выстаивалъ на молитвѣ» (452).

Самое доброе впечатление на Горянчикова-Достоевского произвел Алей:

«Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. <...> ...его всѣ любили и всѣ ласкали» (453–454).

Горянчиков-Достоевский научил Алея русской грамоте, познакомил с заповедями Нагорной проповеди. При прощании с Горянчиковым-Достоевским Алей говорил ему:

«...ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...» (457).

Рассказывая о положительных героях, Горянчиков-Достоевский подчеркивает: их «всѣ любили». Вместе с тем, в «Записках из Мертвого Дома» выделяется и еще более значимое качество положительных героев — стремление к общему благу.

К таким героям относится Баклушин, арестант особого — пожизненного — отделения, где без веры невозможно было выжить. Баклушин — инициатор, активный организатор и актер острожного «театра»:

«Я не знаю характера милѣ Баклушина. <...> ...всѣ у насъ его любили. <...> Его знали даже въ городѣ, какъ забавнѣйшаго человѣка въ мірѣ и никогда не теряющаго своей веселости. <...> Онъ былъ полонъ огня и жизни» (516).

Другой веселый и забавный человек, разрушающий беспросветность всеобщей мрачности и угрюмости, — Варламов — «изъ особаго отдѣленія, безконечно добродушный и веселый парень, неглупый, безобидно-насмѣшливый и необыкновенно простоватый съ виду» (534).

Что, кроме веры, могло дать этим людям силы не только самим выжить в пожизненной каторге, оставаясь личностями, но своей веселостью помогать товарищам-арестантам оставаться людьми?! Наиболее уважаемым в остроге был Дедушка, которому все арестанты доверяли на хранение свои деньги. Горянчиков-Достоевский вспоминает:

«...что-то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ... <...> ...рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодушное существо въ моей жизни» (430).

Он был старообрядцем. С другими фанатиками решил «стоять за вѣру», сжег строящуюся единоверческую церковь. В остроге он целые ночи молился на печи за всех «православныхъ христіанъ» (430).

Общим для положительных героев является вера, важным проявлением которой в обстановке острога было доброжелательное отношение к людям, деятельность на общее благо.

Этот вывод «рифмуется» с размышлениями Горянчикова о том, что никто не мог восстать против осторожных порядков. Это утверждение уточняют рассказы о положительных героях: восстать — нельзя, но с верой духовно противостоять им — можно.

В «Записках из Мертвого Дома» подчеркивается значимость искренности веры каторжан, что проявилось в праздновании Рождества Христова. Отмечается контраст мирского, плотского и духовного начал. Арестанты тщательно готовились встретить этот великий праздник, в большом волнении ждали его: копили деньги, приводили в порядок одежду. В самый праздничный день они торжественно встречали священника,

благоговейно прикладывались к кресту, торжественно, с подношениями, священника провожали. После приема богатых подающих горожан, официальных поздравлений начальства был объявлен сытный обед как наивысший момент праздничного дня. После отбытия начальства начались пьянство, ссоры, майданы. Арестанты вновь окунулись в каторжную действительность, привычные поиски ощущений хотя бы мнимой, но свободы, усиленные Рождественским праздником. «Праздничное веселье» нередко сменялось горькими рыданиями. Горянчиков-Достоевский заключает:

«Весь этотъ бѣдный народъ хотѣлъ повеселиться, провести весело великій праздникъ — и, Господи! какой тяжелый и грустный былъ этотъ день чуть не для каждаго. Каждый проводилъ его какъ-будто обманувшись въ какой-то надеждѣ. <...> Арестанты тяжело засыпаютъ на нарахъ. Во снѣ они говорятъ и бредятъ еще больше, чѣмъ въ другія ночи» (531, 537).

Но возвышающая человека духовность, разбуженная великим праздником, оживила дар творчества и его восприятия — дар сотворчества. Эти дарования проявились на организованных в Рождественские дни талантливыми арестантами театральных представлениях.

Горянчиков-Достоевский вспоминает о каторжных во время представлений:

«На всѣхъ лицахъ выразалось самое наивное ожиданіе. <...> Чтѣ за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборожденныхъ, клейменныхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ взглядахъ людей, доселѣ мрачныхъ и угрюмыхъ, въ этихъ глазахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ огнемъ!» (546).

На это время стали ненужными вино, ссоры, карты. Горянчиков-Достоевский пишет о своих впечатлениях после спектакля:

«Наши всѣ расходятся веселые, довольные, хвалятъ актеровъ, благодарятъ унтеръ-офицера. Ссоръ не слышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже какъ будто счастливы, и засыпаютъ не повсегдашнему, а почти съ спокойнымъ духомъ, — а съ чего бы кажется? А между-тѣмъ это не мечта моего воображенія.

Это правда, истина. Только немного позволили этимъ бѣднымъ людямъ пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть часъ не по-острожному — и человекъ нравственно мѣняется, хотя бы то было на нѣсколько только минутъ...» (555).

Повествователь подчеркивает духовно-творческое *соучастие* каторжан. «Представление» воспринималось ими как их общий праздник: и актеры, и организаторы «представления» — сами арестанты. Зрители смотрели спектакль, вплотную прижавшись друг к другу, забыв о ссорах, неприязни, сплетнях и воровстве. Стоявшие на приставленных к стене поленьях опирались на плечи стоявших впереди товарищей. Это духовно-творческое соучастие показывает силу искусства, способность его внести в общество христианские отношения.

Рассказ о «представлении» и произведенных им впечатлениях повествователь оканчивает молитвой «дедушки» и надеждой на «воскресение из мертвых»:

«Но вотъ уже глубокая ночь <...> а дѣдушка на печи молится за всѣхъ “православныхъ христіанъ” и слышно его мѣрное, тихое, протяжное: “Господи Иисусе Христе, помилуй насъ!..” <...> “Не навсегда же я здѣсь, а только вѣдь на нѣсколько лѣтъ!” — думаю я, и склоняю опять голову на подушку» (555–557).

В. Н. Захаров отмечает, что «логика композиции “Записок из Мертвого Дома” — crescendo идеи. Таков подбор фактов и рассуждений о них в произведении Достоевского» [Захаров, 1985: 183]. Во второй части «Записок...» принцип противопоставления «мертвящих» порядков и стремления к «воскресению из мертвых» проявляется своеобразно. Первые главы — «Госпиталь», «Продолжение», «Продолжение», «Акульский муж» — рассказы о страданиях от наказаний, о жестоком преступлении «Акульского мужа», о смертях, о расковыивании мертвого — резко снижают пафос последней главы первой части — «Представление». Этому снижению пафоса требует логика сюжета «Записок из Мертвого Дома». Но вместе с тем, как бы исподволь, из-под мрачных фактов выступают и светлые надежды. Эта тенденция усиливается до «славной минуты» — «Выхода из каторги».

В начале второй части Горянчиков-Достоевский вспоминает, что в госпитале каторжным выдавалась другая одежда, в арестантских палатах были не нары, а кровати, с бельем. Здесь же говорится о человечности докторов. Они сочувствовали арестантам и принимали, если было много свободных мест, здоровых, но очень утомленных бедняг. Повествователь сообщает:

«Я уже и прежде слышалъ, что арестанты не нахвалятся своими лекарями. “Отцовъ не надо!” — отвѣчали они мнѣ на мои распросы...» (558).

Стремление арестантов к свободе выражается в их тяготе к природе, особенно летом, когда в неволе усиливалась тоска (главы «Летняя пора», «Каторжные животные»).

Летом арестанты работали далеко от крепости. Сарай, в котором работал Горянчиков-Достоевский, стоял на высоком крутом берегу Иртыша. Герой вспоминает о летней поре:

«Все для меня было тутъ дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонномъ синемъ небѣ, и далекая пѣсня киргиза, приносившаяся съ киргизскаго берега. Всмотриваешься долго и разглядишь наконецъ какую-нибудь бѣдную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша... <...> Все это бѣдно и дико, но свободно» (618).

Надежды арестантов на «ревизора» полностью не оправдались, но ненавистный «плац-майор» все-таки должен был подать в отставку. «Претензия» не принесла желаемых результатов, но в организации ее проявилось чувство собственного достоинства всех участников. Это событие продолжает ряд рифмующихся ситуаций об осторожных порядках и противостоянии им. Отношение к Горянчикову-Достоевскому здесь неоднозначно: отчуждение к нему как к бывшему барину, но не вражда как к человеку. Об этом говорит и прощание Горянчикова-Достоевского с осторожными:

«Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ по-товарищески...» (687).

Этот эпизод обобщает и завершает сюжетную линию Горянчикова-Достоевского и арестантов. Сцена прощания

Горянчикова-Достоевского с арестантами, выражающая основную мысль произведения, выполняет функцию эпилога «Записок из Мертвого дома». Выход из каторги и сцена расковывания Горянчикова-Достоевского, в противоположность сцене расковывания мертвого в госпитале, символизируют «воскресение из мертвых». В великих романах Достоевского христианская идея выражается непосредственно через образы и события. То же происходит и в «Записках из Мертвого дома», которые и были тем «не вполне ожидаемым “вдруг”», о котором писал П. Н. Медведев.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28₁. С. 229. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 1997. Т. 3. С. 396. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Акелькина Е. А. Записки из Мертвого дома // Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 74–77.
2. Аскольдов С. А. Религиозно-этическое значение Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / сост. В. С. Долинин. Пг., 1922. Сб. 1. С. 1–32.
3. Викторovich В. А. Жанр записок у Толстого и Достоевского // Лев Толстой и русская литература: межвуз. сб. Горький: ГГУ, 1981. С. 18–25.
4. Владимирцев В. Книга века // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 1997. Т. 3. С. 754–763.
5. Владимирцев В. П. Записки из Мертвого дома // Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 70–74.
6. Гинзбург Л. Я. «Былое и думы» // История русского романа: в 2 т. М.; Л.: АН СССР, 1962. Т. 1. С. 583–607.
7. Заваркина М. В. Жанр как категория поэтики (проблемы, тенденции, перспективы) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 7–35 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582887863.pdf (10.05.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7562
8. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, ЛГУ, 1985. 208 с.

9. Захаров В. Пасхальный сюжет // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 1997. Т. 3. С. 764–765.
10. Захаров В. Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина (М. М. Бахин, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов) // Русская литература. 2007. № 3. С. 19–30.
11. Кирпотин В. Я. Достоевский в шестидесятые годы. М.: Худож. лит., 1966. 560 с.
12. Лебедев Ю. В. У истоков эпоса (очерковые циклы в русской литературе 1840–1860-х годов). Ярославль: Яросл. пед. ин-т, 1975. 162 с.
13. Лихачев Д. С. «Предисловный рассказ» Достоевского // Лихачев Д. С. Литература — Реальность — Литература. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 117–126.
14. Медведев П. Н. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Росток, 2018.
15. Мейер И. М. Рифма ситуаций в одном романе Достоевского // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 1. С. 600–601.
16. Мишин И. Т. Проблематика и художественные особенности романа Достоевского «Записки из Мертвого дома» // Учен. зап. Армавирск. гос. пед. ин-та. 1957. Т. 3. Вып. 2. С. 109–161.
17. Туниманов В. А. Творчество Достоевского (1854–1862). Л.: Наука, 1980. 294 с.
18. Чирков Н. М. О стиле Достоевского: проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967. 303 с.
19. Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе: русский физиологический очерк. М.: Наука, 1965. 317 с.
20. Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском. М.: Сов. писатель, 1957. 259 с.
21. Этов В. И. Достоевский. Очерк творчества. М.: Просвещение, 1968. 384 с.
22. Якубович И. Д., Федоренко Б. В. [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 4. С. 279–288.

References

1. Akel'kina E. A. "Notes from a Dead House". In: *Dostoevskiy: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, Letters, Documents: Word Reference]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 74–77. (In Russ.)
2. Askol'dov S. A. Religious and Ethical Meaning of Dostoevsky's Works. In: *F. M. Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [F. M. Dostoevsky. Articles and Materials]. Petrograd, 1922, collection 1, pp. 1–32. (In Russ.)
3. Viktorovich V. A. The Genre of Notes by Tolstoy and Dostoevsky. In: *Lev Tolstoy i russkaya literatura* [Leo Tolstoy and Russian literature]. Gorky, Gorky State University Publ., 1981, pp. 18–25. (In Russ.)
4. Vladimirtsev V. P. Book of the Century. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works:

- Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1997, vol. 3, pp. 754–763. (In Russ.)
5. Vladimirtsev V. P. “Notes from a Dead House”. In: *Dostoevskiy: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, Letters, Documents: Word Reference]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 70–74. (In Russ.)
 6. Ginzburg L. Ya. “My Past and Thoughts”. In: *Istoriya russkogo romana: v 2 tomakh* [The History of Russian Novel: in 2 Vols]. Moscow, Leningrad, Academy of sciences of the USSR Publ., 1962, vol. 1, pp. 583–607. (In Russ.)
 7. Zavarkina M. V. Genre as a Category of Poetics (Problems, Tendencies, Perspectives). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 7–35. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582887863.pdf (accessed on May 10, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7562 (In Russ.)
 8. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika* [The System of Genres of Dostoevsky: Typology and Poetics]. Leningrad, Pushkin Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)
 9. Zakharov V. N. Easter Plot. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1997, vol. 3, pp. 764–765. (In Russ.)
 10. Zakharov V. N. The Problem of Genre in Bakhtin’s “School” (M. M. Bakhtin, P. N. Medvedev, V. N. Voloshinov). In: *Russkaya literatura*, 2007, no. 3, pp. 19–30. (In Russ.)
 11. Kirpotin V. Ya. *Dostoevskiy v shestidesyatye gody* [Dostoevsky in the Sixties]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 560 p. (In Russ.)
 12. Lebedev Yu. V. *U istokov eposa (ocherkovye tsikly v russkoy literature 1840–1860-kh godov)* [At the Origins of the Epic (Cycles of Essays in Russian Literature in 1840–1860)]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical Institute Publ., 1975. 162 p. (In Russ.)
 13. Likhachev D. S. “Preface Story” of Dostoevsky. In: *Likhachev D. S. Literatura — Real'nost' — Literatura* [Likhachev D. S. Literature — Reality — Literature]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1981, pp. 117–126. (In Russ.)
 14. Medvedev P. N. *Sobranie sochineniy: v 2 tomakh* [Collected Works: in 2 Vols]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018. (In Russ.)
 15. Meyer I. M. The Rhyme of Situations in One Novel by Dostoevsky. In: *IV Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov. Materialy diskussii* [The 4th International Congress of Slavists. Materials of Discussion]. Moscow, 1962, vol. 1, pp. 600–601. (In Russ.)
 16. Mishin I. T. Problems and Artistic Features of the Novel by F. M. Dostoevsky “Notes from a Dead House”. In: *Uchenye zapiski Armavirskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Armavir Pedagogical Institute], 1957, vol. 3, issue 2, p. 109–161. (In Russ.)
 17. Tunimanov V. A. *Tvorchestvo Dostoevskogo (1854–1862)* [Works of Dostoevsky (1854–1862)]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 294 p. (In Russ.)

18. Chirkov N. M. *O stile Dostoevskogo: problematika, idei, obrazy* [On the Style of Dostoevsky: Problems, Ideas, Images]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 303 p. (In Russ.)
19. Tseytlin A. G. *Stanovlenie realizma v russkoy literature: russkiy fiziologicheskiy ocherk* [Formation of Realism in Russian Literature: A Russian Physiological Sketch]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 317 p. (In Russ.)
20. Shklovskiy V. B. *Za i protiv. Zametki o Dostoevskom* [Pro et Contra. Notes About Dostoevsky]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1957. 259 p. (In Russ.)
21. Etov V. I. *Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [Dostoevsky. An Essay on the Creative Work]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 384 p. (In Russ.)
22. Yakubovich I. D., Fedorenko B. V. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 4, p. 279–288. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Баталова Тамара Павловна, канд- **Tamara P. Batalova**, PhD (Philology),
дидат филологических наук, неза- Independent Researcher (Saint Petersburg,
висимый исследователь, (г. Санкт- Russian Federation); ORCID: [https://](https://orcid.org/0000-0002-4282-3756)
Петербург, Российская Федерация); [orcid.org/0000-0002-](https://orcid.org/0000-0002-4282-3756)
ORCID: [https://orcid.org/0000-0002-](https://orcid.org/0000-0002-4282-3756) batalovatp@yandex.ru.
4282-3756; e-mail: batalovatp@yandex.ru.
ru.

Поступила в редакцию / Received 09.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.01.2021

Принята к публикации / Accepted 22.01.2021

Дата публикации / Date of publication 05.02.2021